

Т.А. Попова

ХРОНИКА БЛОКАДНЫХ ДНЕЙ

Проходят годы, не годы — десятилетия. А память возвращает нас к событиям нелегкой военной поры. Память... Она и сегодня, и завтра и потом будет напоминать нам о войне. Я пережила с мамой более 300 голодных и холодных дней и ночей в самое тяжелое время ленинградской блокады: зимы 1941 года — весны 1942 года.

...Как и многих ленинградских детей, война застала меня на даче. После окончания второго класса 297-й школы Фрунзенского района с двоюродной сестренкой мы отдыхали в Вырице. Хозяева, уже пожилые люди, сокрушаясь, не переставали уговаривать родителей не увозить нас в Ленинград, а оставить у них. На одном из последних, редких уже поездов нас, конечно, привезли домой.

Однако к началу июля мы были готовы к новому путешествию. В городе началась эвакуация детей. Я в числе ребят разного возраста (от первого до десятого классов) также была эвакуирована на станцию Пестово, в Новгородскую область, от прядильно-ткацкого комбината имени П. Анисимова, где работала бухгалтером мама. В Пестово мы жили по типу пионерского лагеря, но работали. Для жилья нам были отведены деревянные дома — добротные деревенские избы. Лето было жаркое. Весь июль мы помогали колхозникам на полях и раньше срока убирали лен. Но в августе оставаться там уже было опасно. Немецкие самолеты бомбили эти места, а вскоре около близлежащих озер высадился парашютный десант. Незамедлительно весь лагерь был отвезен на подводах на железнодорожную станцию. Единственно, что нас тогда беспокоило, это — куда мы поедem? Только бы в Ленинград! Возвращались домой в переполненных вагонах, сидя. Все зимние вещи, взятые с собой, были одеты на

Таня — школьница.

случай бомбежки. Действительно, один раз наш состав бомбили, все были высажены, и мы довольно долго сидели в лесу, в канавах. Но дети есть дети. Лес был полон ягод, особенно много было морошки, и мы ее собирали, еще не совсем дозревшую, чтобы привезти домой, мамам.

Наконец наш город! Неважно, что мы шли по перрону Московского вокзала наголо остриженные, в зимних пальто и валенках. В городе уже с 17 июля были введены карточки на основные продукты, но, как помнится, на вокзале, в ларьках и буфете в свободной продаже было еще много печенья, булочек, шоколада.

Дальше начались, казалось, бесконечные налеты, артобстрелы и... голод. Первый массированный налет на Ленинград был, как известно, 8 сентября. Стоял теплый солнечный вечер, и мы с любопытством, которое могло обернуться бедой, наблюдали за огромным количеством летящих в высоком голубом небе самолетов и еще большим числом падающих зажигательных бомб. А вскоре после 8 сентября, когда замкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда, был один из самых страшных дней, когда наш дом был разбит. Это произошло 19 сентября 1941 года около четырех часов дня. Мы с сестренкой сидели на широких подоконниках (вторые рамы были сняты) и занимались рукоделием. Когда объявили тревогу, мы еще раздумывали, идти ли в бомбоубежище. Но мамы, уходя на работу, каждый раз повторяли одно и то же: «Как объявят тревогу, сразу в бомбоубежище!». Только мы успели спуститься, как раздался грохот разорвавшейся бомбы, зазвенело в ушах. Рассыпались мешки с песком, которыми были заделаны окна бомбоубежища, оказался засыпанным и вход в него. По счастливой случайности, если уместно здесь так сказать, бомба попала не в квартиры, а в лестничную клетку. Долго нам пришлось ждать, пока нас откопали и перевели в сохранившееся газоубежище. Прошло несколько дней, и мы узнали, что в тот день был интенсивный налет и пострадали многие дома нашего микрорайона. Говорили, что по этому маршруту летел самолет, пилотируемый молодой летчицей. Когда ее принудили приземлиться, у нее был обнаружен план района с Московским вокзалом и Знаменской церковью. Но церкви уже не было, она существовала до 1934 г., но на плане значилась (теперь здесь метро «Площадь Восстания»). В радиус бомбежки входили еще Владимирская церковь и Дом культуры пищиков, где размещался госпиталь, рядом с которым находился наш дом.

Хотя квартира осталась невредимой, мы с мамой переехали жить к родственникам на Малодетское сельский проспект. И здесь вместе — две

мамы, которым тогда было меньше лет, чем нам сейчас, и две их дочки — пережили самое тяжелое время.

Все труднее становилось с продуктами. Буквально все, что было еще в продаже, старались купить. Долго, до поздней осени, в ларьках торговали квасом, из которого получался вкусный кисель. В один из сентябрьских дней мы с сестренкой отправились за ним. Очередь стояла большая, у ларька была давка, многие прорывались без очереди. Надежды не было. Тогда мы возвратились домой, написали много номерков, а вернувшись, раздали каждому его очередной номер. Только, как говорится, все наладилось, начался артобстрел. Несмотря на это, очередь не шевельнулась, все остались на своих местах. В это время подошел милиционер и сказал, что эта сторона обстреливается, — она более опасна. Несколько человек ушли, домой ушли. Побежали домой и мы. Когда кончился артобстрел, мы, естественно, снова помчались за квасом, но... ларька на Угловом переулке (напротив Фрунзенского университета) уже не было. В него попал снаряд, и вместо очереди, которая шумела еще полчаса-час назад, лежали изуродованные человеческие тела.

С каждым днем, все больше и больше, наши мысли сосредоточивались на еде. Всем ленинградцам-блокадникам хорошо знакомо это навязчивое, сосущее чувство голода. Но мы твердо придерживались главного правила — все делить поровну между собою и все делить по дням. Никогда не забуду, как осталась «лишняя» порция риса (20 граммов!), которую можно было сварить не один раз в день, как обычно, а два. В ожидании следующего дня мы не спали всю ночь. Некоторое время выручала льгота за папу — как ребенок, я имела пропуск в столовую, где дополнительно к пайку получала кусок картофельной запеканки, которую приносила домой, и мы ее делили на четверых.

Все вместе мы ходили и за водой. Воду брали в саду «Олимпия», где стояли зенитные батареи. Здесь красноармейцы сделали большой деревянный колодезь, который периодически освещался электрической лампочкой. Если шли вечером, то обязательно надевали «бессменных часовых» — «светлячков».

Все знают, что с декабря месяца в Ленинграде стало особенно тяжело. Как почти каждая ленинградская семья, мы также потеряли близких людей. В декабре 1941 года от голода умер дядя, а в январе — бабушка. На моих детских санках отвезли их на Волковское и Охтинское кладбища.

Очень долго и томительно ждали вестей с фронта от папы. Шел месяц за месяцем, и только регулярно поступающий его аттестат давал нам надежду на то, что он жив. Он служил сначала на Балтийском

Татьяна Александровна Попова, заведующая Отделом археологии, кандидат исторических наук, специалист по трипольской культуре эпохи неолита (IV—III вв. до н.э.). Автор многих работ по материальной и духовной культуре древних земледельцев-скотоводов Юго-Запада Восточной Европы. В годы войны, как все школьницы, помогала взрослым преодолевать тяготы блокадной жизни.

флоте, а затем, большую часть войны, — на Северном, в Заполярье (полуостров Рыбачий). Сколько было радости, когда перед самым Новым годом от него наконец пришло первое письмо. При керосиновой лампе, с зеленой нарядной елкой, украшенной игрушками, которые мы сами смастерили, со студнем из клея и конфетами из дуранды, мы встречали Новый, 1942-й год.

Несмотря на трудности, мы, как могли, подбадривали друг друга, заботились и были внимательны. Не один раз бывали в кинотеатре «Олимпия». В холодном зале, но с удовольствием смотрели «Музыкальную историю» и другие фильмы. Позже это здание было разбито.

И, конечно, самым важным источником стойкости и веры было радио, которое не отключалось никогда.

Хочется сказать и о своеобразном восприятии опасности. Чувства страха, боязни не было, они как-то притупились, ушли на второй

план. Иногда во время налета мы не ходили в бомбоубежище, и если это было ночью, то просто спали. А когда шли туда, всегда брали с собой небольшой чемоданчик, где лежали свечка со спичками, полотенце и мыло, молоток (чтобы стучать, если засыплет) и... довоенная пачка печенья — неприкосновенный запас. Так поступали многие ленинградцы. Были и специальные рекомендации на этот счет.

Говоря о блокаде, о ее тяготах и лишениях, с горечью вспоминают некоторые неприятные моменты. Через несколько месяцев после того, как дом был разбит, он еще и горел. Поджег его лазутчик. В одну из квартир флигеля, соседнего с нашим, приехал человек, который откомендовался жившей там женщине, что он прибыл из части, в которой служит ее муж, попросил переодеться в штатское, принес ей две буханки хлеба. Не успела женщина куда-то отлучиться, как незнакомец облил лестницу начиная с четвертого этажа соляром и поджег. Возник пожар. Тушить его было трудно, так как стояли студеные январские дни. Потом мы все, кто как мог, помогали погорельцам.

Не падая духом, облегченно встретили весну 1942 года. В перерывах между тревогами и артобстрелами ходили греться на солнышко на Невский проспект. Было в этом что-то отрадное и символичное. Мы — живы, мы — на своем Невском, наперекор всему. Весной работал Дом книги, и мы купили там «Избранные произведения М.Ю. Лермонтова», выпущенные к столетию со дня гибели поэта, перед самой войной. Этот том и сейчас хранится в доме, как память о блокадных днях.

В апреле началось оживление и в школах. Все оставшиеся дети из многих школ района были собраны в 321-ю школу на Социалистической улице. Наши детские карточки мы сдавали в школу полностью и три раза в день питались там. Но в дни блокады детства не было. Мы как-то не по годам повзрослели и возмужали. Ребята мыслили категориями взрослых людей.

На этом можно было бы и закончить, но с блокадой связан и другой период — эвакуация на Большую землю, во время которой было также немало пережито. Как известно, Военно-Морской Флот был в те годы самостоятелен, отделен от Красной Армии. В начале лета 1942 года, как семья комсостава, по распоряжению военкомата, в обязательном порядке, мы были эвакуированы, и никакие отказы не помогли. После сдачи карточек в райсовет, с удостоверением (форма № 7) мы перебрались через Ладогу на ее восточный берег, откуда эшелон шел до Ярославля. Эвакопункт в Ярославле определил нас на теплоход до г. Астрахани. Однако развернувшиеся военные действия вблизи Вол-

ги не позволили нам туда доехать. Нас высадили в станице Николаевке, но через месяц здесь стало еще беспокойнее — фашисты рвались к Сталинграду. Тогда нас срочно отправили в г. Энгельс, где нас должны были присоединить к морскому училищу. До Энгельса мы и еще несколько семей добирались на небольшом военном разъездном катере три дня. Эти три дня тянулись как вечность. Продуктов почти не было. Главное — бомбили Волгу, бомбили нещадно, как Ленинград. Отвлекали лишь остановки около красивейших, но уже покинутых садов, где мы набирали яблоки, и живописных берегов великой реки России. То тут, то там стояли прижатые к берегам разбитые суда и танкеры. Несколько раз мы причаливали к ним и запасались бензином.

Затем было Иваново, затем — Свердловск, и только в августе 1944 года, проехав в товарном вагоне около недели от Урала, мы вернулись домой, в Ленинград.

Блокада, эвакуация, где ходили в госпитали, ухаживали за ранеными, показывая им бесхитростные концерты, встречи с отзывчивыми людьми тыла, которые тоже много делали для Победы, все это, безусловно, подготовило нас к жизни, помогло в дальнейшем любить прекрасное и ненавидеть отвратительное, воспитало чувство взаимоподдержки, доброжелательности, научило оптимизму даже в сложных условиях.

А совсем недавно, разбирая семейный архив, я обнаружила удостоверение, датированное июлем 1941 года. В нем говорится, что мама командирована в Пестово, но поездка не состоялась, ибо ее опередили события, о которых я писала выше. Самое любопытное состоит в другом — оно было напечатано на довоенной театральной афише (с бумагой уже было плохо, ее берегли!). На ней со щемящим сердце чувством читаем о репертуаре в мирные дни: «“Мария Стюарт”. Постановка засл. арт. Респ. Н.Н. Бромлей...».

Эта ценная находка и послужила основанием для рассказа о том, как память десятилетней девочки зафиксировала многие моменты жизни во время блокады, во время войны. И хотя с каждым годом все больший срок отделяет нас от событий войны, воспоминания не становятся расплывчатыми или аморфными, наоборот — они четкие и приобретают новый, особый смысл.

Сейчас это особенно важно, когда все честные люди прилагают общие усилия для сохранения мира на планете Земля. И я благодарна судьбе и организаторам издания, что мне предоставилась возможность поделиться своими воспоминаниями в настоящем сборнике.